

*Основание Петербурга:
государственная необходимость
или государева блажь?*

Великие события победоносной эпохи способны заслонить от нас ее содержание. Природа и мотивы петровских реформ затуманены их успешностью и мало кого занимают. Мы задним числом с легкостью оцениваем и обосновываем (оправдываем) действия преобразователя, исходя из их впечатляющих результатов. Царь заслужил историческое признание, помимо иного, созданием российского флота с его теперь уже трехсотлетними традициями и, конечно, Петербурга — этого возведенного, реализованного Вавилона. (Если библейская башня рухнула из-за смещения языков, то петровский Вавилон восстал именно благодаря ему.)

Северная столица собственным существованием исторически оправдывает факт своего возникновения. Однако это еще не подразумевает, что ее творец был побуждаем осознанной государственной целесообразностью затеянного в 1703 г. вполне авантюрного предприятия.

Будучи в 1698 г. в Англии, Петр уговаривал английского короля и голландского штатгальтера Вильгельма III Оранского стать посредником в его, царя, переговорах с Карлом XII относительно уступки России какого-нибудь порта на Балтике¹. Несколько позднее Петр уже через своего дипломата просил Карла добрососедски обменять на что-нибудь кусочек балтийского побережья: «...е.ц.в., рассуждая для земель и торговли потребно имети места при Балтийском море, от короля швейскаго просил, дабы Нарву или меньше, Новый шанец (Нисеншанц. — Ю.Б.) за другое равное ему место уступить соизволил»². Результат демарша ясен,

коли царь вскоре начал войну, направив армию к Нарве, где и потерпел сокрушительную катастрофу.

Главная цель развязанной Петром в 1700 г. Северной войны состояла для него в получении (возврате) выхода к Балтийскому морю. Не то чтобы ему очень хотелось отведать когтей могучего тогда шведского льва, но неоторимая мечта вывести на Балтику собственный флот неумолимо вела к войне. Потом, со взятием Нотебурга (11 октября 1702 г.) и Ниеншанца (1 мая 1703 г.), устье Невы было отвоевано.

Историки любят тему о мотивах, вызвавших основание Петербурга на заведомо непригодных для этого болотах невской дельты. (Я не говорю о стратегической значимости места — ее за пять столетий до Петра понимали шведы, построившие Ландекрону.) Сами по себе рассуждения о том, русская ли государственная власть, «борясь за берега Балтики, стремилась подтолкнуть развитие экономики страны», или «возвращение выхода к Балтийскому морю стало к концу XVII в. жизненной необходимостью для Русского государства»³, вовсе не предполагают положительного ответа на вопрос, зачем, собственно, было затеяно столь масштабное строительство.

Уже прочно, семь десятилетий, выше невской дельты стоял Ниеншанц с торговым посадом. Можно было также взять Нарву и Ивангород (что Петр и сделал в 1704 г.) — приморские торговые города с давними и надежными традициями. В 1710 г. царь овладел крупнейшими шведским портами на Балтике — Ригой и Ревелем, взял Дюнамюнде и Выборг. Что же за могучая государственная идея двигала создававшим новый город царем, если ее претворение в жизнь потребовало гигантских затрат и десятков (а скорее, сотен) тысяч жизней⁴, да еще в условиях тяжелейшей войны, да еще преодолевая сильнейшее, пусть и пассивное сопротивление всего народа — от ближайших сотрудников до рабочих людей? Должно полагать, новый город обрел кардинально важный смысл для России, ее будущности, если с первых же лет после его основания и долгие годы потом осведомленные современники в один голос свидетельствовали, что царь готов мириться с Карлом на любых условиях, уступать какие угодно территории, лишь бы сохранить за собой Петербург, хотя бы и выкупив за деньги.

Английский посланник в Москве Ч.Уитворт (Витворт) 23 января/3 февраля 1706 г. писал: «Царь... склонен к миру (с Кар-

лом. — Ю.Б.), даже желает его; для достижения этой цели он охотно поступится Дерптом, даже, позволяю себе полагать, и самую Нарву... он только желает оставить за собой Ингрию и свой возлюбленный Петербург — местность настолько близкую его сердцу, что он лучше рискнет всем царством, чем выпустит из рук эту добычу»⁵. Датский посланник Г.Грунд в том же 1706 г.: «...царь... начал отходить от своих прежних замыслов, говоря, что был бы доволен, если бы смог окончить войну, лишь сохранив репутацию да, возможно, приобретя Петербург у своего неприятеля за деньги»⁶. Еще раз Ч.Уитворт (17/28 сентября 1708 г.): «Произвести самую влиятельную диверсию и действительно встретить царя может только нападение шведов на Ингрию, потому что эту местностью и особенно своим любимцем — Петербургом царь дорожит более, чем какую бы то ни было частью своего государства»⁷. Австрийский императорский резидент при дворе Петра О.А.Плейер (1710 г.): царь «перед иностранцами... говорит, что был бы расположен мириться... но хотя бы ему должно было отдать назад все сделанные завоевания, он все же удержит Петербург вместе со свободой посылать необходимое число кораблей в Балтийское море...»⁸. Шведский военнопленный Л.Ю.Эренмалм (был в Петербурге в конце 1710 — начале 1711 и в июне 1712 г.): «...царь так привязался своим сердцем и чувствами к Петербургу, что добровольно и без сильнейшего принуждения вряд ли сможет с ним расстаться. Он также неоднократно говорил, целуя крест, что скорее потеряет половину своего государства, нежели Петербург». В другом месте сочинения, где речь тоже идет о Петербурге: «...к каковой местности он так сильно привязался душой, что скорее подвергнет опасности свое государство, чем захочет ее потерять»⁹.

В начале 1707 г. сам монарх заключил свою «Записку об условиях мира со Швециею» словами: «А о Питербурхе всеми мерами искать удержат за что-нибудь; а о отдаче оного — ниже в мысли иметь»¹⁰.

К 1716 г. Петр чувствовал себя куда увереннее, чем в первые годы войны. Но и теперь он надеялся на содействие Франции в надежде «склонить шведского короля на уступку Петербурга и его окрестностей, необходимых для поддержки его гавани и для сохранения сообщений с прочими владениями царя»¹¹. Долго прослуживший в России моряк-англичанин в 1724 г. писал, что «около 10 лет тому назад царь с охотою бы согласился возвратить

все свои завоевания с условием лишь удержать за собой С - Петербург, и скорее, чем расстаться с ним, он решится претерпеть самые последние крайности»¹².

Почему же возник этот город, который Н.М. Карамзин назвал «блестящей ошибкой Петра Великого»¹³?

Современный эпохе автор П.Н. Креншин не искал в основании Петербурга государственных резонансов, объясняя грандиозный замысел склонностями царя — «охотой его по водам шествия»¹⁴. Секретарю прусского посольства в России И.Г. Фоккеродту откуда-то было известно, что «первую мысль к построению города Петербурга подал после покорения крепости Ниеншанца великий адмирал и великий канцлер Головин». Однако речь, по мысли советника, шла не более чем о временном укреплении и складочном месте, необходимость в котором диктовалась стратегическими соображениями¹⁵. Добрый совет был не только услышан государем, но, очень похоже, тотчас развит в направлении, какое едва ли бы пришло в голову здравомыслящему генерал-адмиралу.

7 мая 1703 г. он, руководитель российской внешней политики, подготовил послу при польском дворе Г.Ф. Долгорукому письмо со сведениями о взятии Ниеншанца и прочих последних событиях. Князь, руководствуясь полученной информацией, сообщил английскому и голландскому посланникам при Августе II: «...царское величество... в нынешнем времени от неприятеля немалую крепость взял и порт на Балтийском море... где еще может заложить и свою монаршескую резиденцию (курсив мой. — Ю.Б.), чего ради его государство лутчие будет иметь с их государствами торги и корреспонденцию»¹⁶.

Итак, Ф.А. Головин отправил в Польшу письмо, которое, в частности, свидетельствует о замысле создать в устье Невы царскую резиденцию. Правда, слово «заложить» мы не можем уверенно трактовать как намерение основать новый город; возможно, пока имелось в виду воспользоваться завоеванным Ниеншанцем. О строительстве первоначального небольшого укрепления в дельте Невы, а лишь спустя какое-то время и крепости говорят также немецкие авторы первых описаний Петербурга¹⁷. Шанец поставили там, где прежде «стояли лишь две рыбацкие хижины»¹⁸.

25 июня 1703 г. Ф.А. Головин сообщил резиденту в Литве П.Н. Готовцову: «...Делают две крепости zelo изрядные, чтоб неприятелю приступу к тому не было»¹⁹. Одна из крепостей — Пет-

ропавловская, а вторая, надо полагать, тот самый «укрепленный двор», идея постройки которого была подсказана Петру генерал-адмиралом. Закладка временного укрепления осталась почти незамеченной, ее заслонило куда более важное, особенно в глазах потомков, событие 16 мая. Но Петр, наблюдая за возведением этой небольшой фортеции, определенно воспарил в мечтах, вообразил себе в невской дельте, обязательно у самого моря, город, и его основание стало для царя делом решенным. Государь выбрал удобное место для большой крепости, с которой город и начался. Он будет носить имя небесного патрона св. апостола Петра, но ведь одновременно и его, царя, имя.

Не позднее июля 1703 г. Петр уже планировал сделать задуманный город крупным торговым центром — вышедший в августе номер «Ведомостей» сообщал читателям: «...его царское величество не далече от Шлотбурга (Ниеншанца. — Ю.Б.) при море город и крепость строить велел, чтоб впредь все товары, которые к Риге, к Нарве и к Шанцу приходили, тамо пристанище имели, так же бы персикские и китайские товары туда же приходили»²⁰.

Простенькая мысль Ф.А. Головина об устройстве в устье Невы укрепления со складочным местом была с энтузиазмом подхвачена и развита Петром. Он увидел чудесное воплощение наиважнейших своих замыслов. Он мог наконец порвать с ненавистной Москвой. Он увидел у желанного Балтийского моря город с гаванью и флотом. Он, отнюдь не чуждый честолюбия, мог основать, подобно великим государям прошлого, столицу, которая носила бы его имя, хотя формально — имя его святого покровителя. Наконец, Петр должен был осознавать, что вымечтанную им жизнь проще создать на пустом месте, хотя бы и на болотах, нежели сначала рушить устоявшееся старое, с муками преодолевая вязкое сопротивление дорогих его соотечественникам традиций. Малоприспособленный для жизни, забытый Богом уголок, бесплодный, насыщенный болотными испарениями и туманами, подверженный частым и разрушительным наводнениям стал для царя родным и милым — «парадизом», земным раем. Редкое письмо Петра из Петербурга к А.Д. Меншикову (и, заметим, только к нему) обходится без этого слова. 7 апреля 1706 г.: «Я не могу оставить отсель не писать к вам из здешняго парадиза, где, при помоществовании Вышняго, всё изрядно»; «...истинно, что в раю здесь живем»²¹. 29 апреля, получив принесшую облегчение радостную весть: «А да того, хотя и в раю жили, однако всегда на сердце

скребло»²². 10 мая: «О здешних поведеньях сумневатися не изволь, ибо в рай Божии зла быти не может»²³. Спустя две недели: «О здешнем ничего писать не знаю, точию все, милостию Божию, в радости пребывают, а дела в добром порядке текут»²⁴. 22 сентября: «А здесь всё милостию Его в добром порядке поводится...»²⁵. 30 октября: «Здесь, слава Богу, всё добро...»²⁶. Те же слова читаем в письме к светлейшему князю от 23 апреля 1713 г.²⁷.

Ближе к концу ноября 1707 г., очередным посланием поздравляя своего любимца с именинами, Петр пишет: «Дай, Боже, чтоб у вас такое было веселье, как теперь у нас в сем святом месте. В прочем желаем, дабы Господь Бог вам благоволил здесь с нами купно сей парадиз в радость видеть в долгия времена»²⁸. Война и другие дела часто отрывали царя от любимого детища²⁹. 24 февраля 1710 г. он приехал сюда после очередной разлуки с городом и 26-го поспешил поделиться этой радостью с А.Д.Меншиковым: «Объявляем вам, что мы третьяго дни сюда здорово приехали и здесь, слава Богу, всё благо обрели... Только желаю, дабы Господь Бог ваше дело как наискоря управил, и вас бы нам здесь видеть, дабы и вы красоту сего парадиза (в котором добрым участником трудов был и есть) в заплату трудов своих с нами купно причастником был, чего от сердца желаю, ибо сие место истинно, как изрядной младенец, что день преимуществует»³⁰.

Письма от 11 сентября 1706 и 2 ноября 1707 г. так и подписаны: «Из парадиза, или Санктъпитербурха»; «Из парадиза, или Санктъпитербурха»³¹. И хотя в первом из них царь сообщил адресату о недавнем разрушительном наводнении, однако подобные бедствия, грозившие юному городу гибелью, Петра нимало не смущали. «Парадиз», подверженный тяжким испытаниям, не утрачивал привлекательности в глазах и помыслах державного основателя. Это был уже его родной дом. К тому же наводнения еще больше напоминали царю Амстердам, ведь поднимавшаяся на берегах Невы столица должна была стать «новым Амстердамом». Нет, совсем не «в шутку», как обмолвился Ф.Ф.Весселаго³², называл Петр свой город «парадизом».

Непомерными трудами обретала черты реальности великая мечта — морская столица, крупный центр международной морской торговли. Город на Неве стал одной из самых масштабных реформ преобразователя — реформ, природа и истоки которых ле-

жат главным образом в его личных пристрастиях. Он, с детства полюбивший военное дело, быстро осознал, что строительство армии по образцу западноевропейских требует огромных денег. С 14-летнего возраста фанатично увлекшись кораблестроением и мореплаванием³³, Петр ясно понял, насколько дорого обходятся эти забавы. Они привели царя в Переславль-Залесский, затем в Архангельск, Воронеж и наконец на Балтику, но обладание выходом к ней надо было еще завоевать. Когда же завоевал, новых гигантских расходов потребовали и сам Петербург, и продолжение войны.

В поисках ответа на вековечный вопрос о причинах петровских реформ мы обычно проходим мимо точного наблюдения П.О.Бобровского, справедливо заметившего, что «в непосредственной связи с преобразованием войск и с образованием флота находится изменение государственного устройства, провинциальной администрации и финансовой системы. Совершение военной реформы Петром I знаменует переход России от древней истории к новой»³⁴. Пристрастия Петра требовали колоссальных финансовых ресурсов, и для получения их самодержец предпринял всеобъемлющие реформы, потрясшие основы государства.

Ценой тяжких усилий выйдя к морю и заложив «рай» (уместно сказать: персональный рай) на земле (чужой), Петр, как мы выше видели, готов был отдать что угодно, но при условии сохранения Петербурга. Без этого города, который один только и мог доставлять царю истинную радость, остальное было для него не мило. На берегах Невы всегда все хорошо, «в добром порядке», ведь «в рай Божии зла быти не может», ибо место это — «святое»!

Письма из нового города с первых недель его существования российский монарх подписывает чаще всего: «Санкт-Петербург» (Санкт-Питербурх) или просто «Петербург» (Питербурх), либо «Петрополь», вполне безразлично употребляя оба варианта, однако второй — все-таки «город Петра», но не «святого Петра». Петербург был его городом. Кстати сказать, он давно уже, для многих поколений — «град Петров», и редко кто в этой связи вспоминает о святом апостоле.

Петербург для царя — это море и флот. Потребность петровской России в военно-морских силах является в наших глазах привычно-очевидной. Но попробуем взглянуть на это нетрадиционно: а так ли уж нужны были они тогда стране? Современников

эпохи сей вопрос, между прочим, тоже занимал. И.Г.Фоккеродт, порядочно поживший в России, уверенно считал, что военный флот был для нее абсолютно бесполезен, и царь пустил на ветер гигантские средства. Посвятив этому вопросу весьма простран-ные и убедительные рассуждения, дипломат резюмировал так: «...русский флот для обороны государства лишний, при нападе-нии соседей неудобен и не поддерживает никакой торговли, ни мореплавания», а следовательно, Петр поступил бы разумнее, если бы суммы, потраченные на его устройство, «употребил на умно-жение сухопутного войска». Приведенные соображения автор, од-нако, не распространяет на галерный флот, уже принесший, как ему хорошо известно, России неоценимую пользу³⁵.

Теперь было бы затеей безнадежной толковать о ненужности для России флота (как и Петербурга). Однако это вовсе не может означать, что создание корабельных военно-морских сил при Пет-ре было тогда безусловно необходимо.

Петербург возник потому, что царь фанатично любил воду, потому, что не мог совладать с неутолимой страстью к морю, строительству кораблей, обладанию флотом. Но Петр сразу при-нялся строить на шведской земле не просто город. Уже 28 сентяб-ря 1704 г. он в письме к А.Д.Меншикову называет Петербург «столицей»³⁶.

Природа была против, народ был против. Судьба Петербурга, да и всей вымечтанной Петром России зависела только от него самого, а точнее — от срока, отпущенного ему на земле. Царь, без сомнения, осознавал, что страна будет развиваться в жела-тельном для него направлении, куда жив он сам. Надежных рук, в которые он мог бы ее передать, не было — возможно, за одним-единственным исключением (А.Д.Меншиков). Люди, кото-рых мы привычно называем «птенцами гнезда Петрова», его бли-жайшие сотрудники и соратники, верой и правдой исполняли свой долг, следуя велениям монарха. Они были ему и сотрудни-ками, и соратниками, но язык не поворачивается назвать их спод-вижниками, ибо это слово предполагает идейное родство. А суть «родства» обнаружилась очень скоро после смерти преобразова-теля, когда руководителям страны пришлось, чтобы вытащить ее из разрухи, круто менять политику (разумеется, именем Пет-ра же).

И флот, и Петербург, и многое другое возникли постольку, поскольку царю так захотелось. Но чего желает самодержец, того

должен желать и народ — от высших сановников до последнего холопа. Как же иначе? Потехи и прихоти царя с неумолимостью стали государственным делом, за которое он бился денно и нощ-но, не забывая время от времени обосновывать свои увлечения стремлением к благу государства и искренне (я в этом уверен) не признавая правоты несогласных с ним. Бился, чтобы на склоне отпущенных судьбой лет снова и снова убеждаться в своем оди-ночестве, осознавать, что люди, которые унаследуют державу, не остановятся перед уничтожением его самых дорогих детищ — Петербурга и флота, и будущность их прочно связана с его, Пет-ра, судьбой³⁷. Эта безусловная зависимость между судьбой не-утомимого монарха и судьбой Петербурга, как и всего государ-ства, подчеркивалась многими наблюдателями-современниками эпохи³⁸.

За почти полным неимением сторонников на земле, царю при-ходилось постоянно призывать в союзники Всевышнего. (Напри-мер: «Если Бог продлит жизнь и здравие, Петербург будет другой Амстердам»³⁹.) Господь, думаю я, выдержал благоразумный ней-тралитет: царь прожил ровно столько, чтобы оставить после себя фундамент, хотя и шаткий, новой жизни, — такой же шаткий, как фундамент петербургских зданий, вставших на ингерманланд-ских тосях. Дальнейшее зависело от умонастроений преемни-ков. С кончиной основателя, а вскоре затем его жены Екатерины маятник судьбы Петербурга качнулся дважды. При Петре II, уехав-шем с двором в Москву, город на Неве никто не разрушал — он быстро угасал, погибал сам, с радостью покинутый многими жи-телями. Оспа, сведшая в могилу отрока-императора, привела на российский престол Анну Иоанновну, возродившую и спасшую дядин «парадиз»⁴⁰.

³⁵ Андреев А.И. Петр I в Англии в 1698 г. // Петр Великий: Сб. статей. М.: М., 1947. С.68, примеч.3.

³⁶ Материалы для истории русского флота. СПб., 1866. Ч.IV. С.33-34; см. об этом также: [Катиборо А.] Житие Петра Великого, императора и самодержца всероссийского... СПб., 1772. С.199.

³⁷ Шаскольский И.П. Важная предпосылка борьбы России за Балтику в XVII — начале XVIII в. // Феодальная Россия во всемирно-истори-ческом процессе. М., 1972. С.368.

³⁸ См. сводку сведений об этом в кн.: Беспятых Ю.П. Иностраные источники по истории России первой четверти XVIII в.: (Ч.Уитворт, Г.Грунд, Л.Ю.Эренмалъм). СПб., 1998. С.397-398.

- ⁵ Сб. РИО. 1884. Т. 39. С. 220.
- ⁶ *Грунд Г.* Доклад о России в 1705–1710 годах / Перевод с немецкого, статья и комментарий Ю.Н. Беснятых. М.; СПб., 1992. С. 142–143.
- ⁷ Сб. РИО. 1886. Т. 50. С. 65.
- ⁸ *Плейер О.А.* О нынешнем состоянии государственного управления в Московии: Донесение Оттона Плейера в 1710 году // Россия при Петре Великом по рукописному известию Иоанна Готтгильфа Фоккеродта и Оттона Плейера // Чтения ОИДР. 1874. Кн. 2. Отд. 4. С. 6.
- ⁹ *Эренмалм Л.Ю.* Описание города Петербурга вкупе с несколькими замечаниями // *Беснятых Ю.Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях: Введение. Тексты. Комментарии. Л., 1991. С. 95; *Ehrenmalm L.J.* Rysslands tillstånd under Peter I (Uppsala universitetsbibliotek. II-195). S. 238.
- ¹⁰ П и Б. СПб., 1907. Т. 5. № 1553. С. 61.
- ¹¹ Сб. РИО. 1881. Т. 34. С. 503.
- ¹² *Ден Д.* История Российского флота в царствование Петра Великого. СПб., 1999. С. 122.
- ¹³ *Карамзин Н.М.* Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении. М., 1991. С. 37.
- ¹⁴ [*Крекишии П.Н.*] Краткое описание славных и достопамятных дел императора Петра Великого... М., 1789. С. 81.
- ¹⁵ *Фоккеродт И.Г.* Россия при Петре Великом // Россия при Петре Великом по рукописному известию... С. 93–94.
- ¹⁶ П и Б. СПб., 1889. Т. 2. Примеч. к № 521. С. 540–541, 543.
- ¹⁷ Точное известие о... крепости и городе Санкт-Петербург, о крепостце Кроншлот и их окрестностях... // *Беснятых Ю.Н.* Петербург Петра I... С. 48–49; «Описание... столичного города С.-Петербурга...» / Перевод Е.Э. Либталь; предисловие, научная редакция и комментарий С.П. Лупнова // Белые ночи. Л., 1975. С. 202.
- ¹⁸ Из книги *Ф.Х. Вебера* «Преображенная Россия» (часть I): Приложение о городе Петербурге // *Беснятых Ю.Н.* Петербург Петра I... С. 102–103.
- ¹⁹ Цит. по: *Предтеченский А.В.* Основание Петербурга // Петербург петровского времени: Очерки. Л., 1948. С. 20.
- ²⁰ Ведомости времени Петра Великого: Вып. I. 1703–1717 гг. М., 1903. С. 73–74; см. также: [*Катиборо А.*] Житие Петра Великого... С. 200–201.
- ²¹ П и Б. СПб., 1900. Т. 4. [Вып. I.] № 1194. С. 207.
- ²² Там же. № 1212. С. 231.
- ²³ Там же. № 1220. С. 249.
- ²⁴ Там же. № 1234. С. 260.
- ²⁵ Там же. № 1361. С. 377.
- ²⁶ Там же. № 1400. С. 410.
- ²⁷ Там же. М., 1992. Т. 13. Вып. 1. № 5960. С. 128; То же: Материалы для истории русского флота. СПб., 1865. Ч. I. № 554. С. 363.
- ²⁸ П и Б. СПб., 1912. Т. 6. № 2081. С. 168.
- ²⁹ Вынужденный надолго оставлять «парадиз», царь очень тосковал по нему; путешествуя по Франции (1717 г.) инкогнито, он именовал себя «графом Петербургским» (*Ковалевский М.М.* Новые данные о пребы-

вании Петра в Париже, почерпнутые из испанских архивов // Русская мысль. 1884. Кн. 1. С. 107). Стоило Петру прийти от чего-нибудь в раздражение, знавшие его люди не сомневались, как поступить. Ч. Уитворт писал из Карлсбада в 1711 г.: «Возвращаясь к Карловицкому миру, [царь] внял в сильный гнев... Я поспешил затеять разговор о любимом его Петербурге... Он с час проговорил со мною в очень хорошем расположении духа...» (Сб. РИО. 1888. Т. 61. С. 35–36).

³⁰ П и Б. М., 1956. Т. 10. № 3615. С. 57.

³¹ Там же. Т. 4. [Вып. 1.] № 1349. С. 368; Т. 6. № 2050. С. 144.

³² *Веселаго Ф.Ф.* Очерк русской морской истории. СПб., 1875. Ч. I. С. 598.

³³ См. об этом: *Беснятых Ю.Н.* Петр Великий и море // Труды Всероссийской научной конференции «Когда Россия молодая мужала с гением Петра», посвященной 300-летию юбилею отечественного флота. Переславль-Залесский, 30 июня – 2 июля 1992 г. Переславль-Залесский, 1992. Вып. 1. С. 5–14.

³⁴ *Бобровский И.О.* Петр Великий как военный законодатель. СПб., 1887. С. 17, а также с. 8, 62–63; См. также: *Платонов С.Ф.* Лекции по русской истории. СПб., 1993. С. 508.

³⁵ *Фоккеродт И.Г.* Россия при Петре Великом. С. 55–56.

³⁶ П и Б. СПб., 1893. Т. 3. № 725. С. 162.

³⁷ См., напр.: Обзорение современных известий о замечательнейших лицах в царствование Петра I и Екатерины I, извлеченных тайн совети. А.И. Тургеневым из разных актов и донесений французских посланников и агентов при русском дворе // ЖМНП. 1844. Ч. 41. Февраль. С. 115–116.

³⁸ См., напр.: *Ehrenmalm L.J.* Rysslands tillstånd... S. 27, 202; *Перри Дж.* Состояние России при нынешнем царе... М., 1871. С. 168; *Вебер Ф.Х.* Записки о Петре Великом и его царствовании брауншвейгского резидента Вебера // Русский архив. 1872. Вып. 6. Стб. 1078; Сб. РИО. Т. 34. С. 118; 1884. Т. 40. С. 210; Т. 49. С. 58; Т. 61. С. 524–525, 546, 177; *Берхгольц Ф.В.* Дневник камер-юнкера Ф.В. Берхгольца. М., 1902. Ч. 1. С. 97.

³⁹ *Нартов А.К.* Рассказы Нартова о Петре Великом. СПб., 1891. № 54. С. 43.

⁴⁰ *Беснятых Ю.Н.* Введение // *Беснятых Ю.Н.* Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях: Введение. Тексты. Комментарии. СПб., 1997. С. 7.